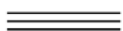

СУДНЫЕ ДНИ

СУДНЫЕ ДНИ

Книга первая
ПОБЕДИТЕЛЬ

Книга вторая
ПРЕДАТЕЛЬ

Книга третья
ДОЛЖНИК

Книга четвертая
КРЕДИТОР & МЕСМЕРИСТ

Андрей
ВОЛОС

ДОЛЖНИК

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В68

Оформление серии *Сергея Курбатова*

Волос, Андрей.
В68 Должник: [роман] / Андрей Волос. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Судные дни).

ISBN 978-5-699-92368-7

Молодой художник Артем получает повестку из военкомата. Родные и друзья боятся, что он попадет в Афганистан, но сам Артем уверен: это возможность получить бесценный опыт, стать таким же баталистом, как его любимый Верещагин... Так начинается роман «Должник» — третья книга эпической тетралогии Андрея Волоса «Судные дни».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Волос А., 2016
ISBN 978-5-699-92368-7 © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

*Автор выражает искреннюю
благодарность Сергею Львовичу
Устинову, оказавшему ему
дружескую помощь на этапе
завершения этой книги.*

*Санеры носят кирку и топор.
Лопаты возятся в обозе.*

А. Е. Снесарев,
«Афганистан»

Пролог

Было как-то раз Артему искушение.

Ночка выдалась непростая. Пациент шел густо, косяком. Под утро маленько стихло.

Присел в дежурке хлебнуть чаю. Тут прибред Касьян, вечный больничный житель. Обычно в приемник он являлся часам к девяти вечера (впрочем, зимой мог и раньше завалиться, а по летней поре вообще не прийти), проводил ночь, то подремывая, то окормляя интересующихся рассуждениями о духовном и загадочном, утром же покидал сие утлое пристанище. Артем иногда думал: может, и в самом деле уходит в астрал, чтобы попусту днем не маячить?

Но в этот раз все честь по чести и чин чинарем: и бутылка у него, и закуска.

Артем не отказался, махнул сотку для бодрости — ее и впрямь уже не хватало. А Касьян, добавив на старые дрожжи, завел о чудесах, о схождении Благодатного огня, о вере, способной двигать камни, поднимать из гробов...

Но скоро разговор нарушили: срочно доставить больного в травму.

Это была молодая женщина. Наверное, чуть старше его годами — лет тридцати.

Она сидела на каталке, и когда Артем попросил лечь, поскольку сидя не возят, пошутила, что, мол, чего еще от вас, мужчин, ждать, всем вам одного надо — только бы уложить беззащитную женщину.

Но как-то мило это у нее получилось: не похабно, а весело.

И пока ехали в корпус, Нина (так ее звали), жаловалась, что попала сюда совершенно на ровном месте: запнулась в кухне о трехколесный велосипед, что сынишка зачем-то туда притаранил, и ударилась головой о шкаф. Поначалу и впрямь дурно стало, а теперь все прошло, только шишка осталась, — и с какой стати ее мама привезла, вообще непонятно. Ну полежала бы часок, и вся недолга.

Артем отвечал в том духе, что, дескать, береженого бог бережет и лучше перебдеть, чем недобдеть, особенно когда дело касается головы.

В общем, оба они не весьма изящно пошучивали, но ведь это бывает: совсем незнакомым людям трудно друг с другом, а тут взяли тон, который оказался помощником, вот и держались его. Тем более что знакомство все равно не обещало быть долгим.

Короче говоря, Артем довез ее, передал дежурному врачу. Неспешно вернулся, растолкал Касьяна и выставил из дежурки: божественное божественным, а дух от скитальца шел все же будь здоров — совершенно антисанитарный. Касьян удалился, ворча, да спросонья забыл свой сосуд, Артем окликнул — вернулся. Они еще по чутку махнули. В конце концов знаток духовного ушел, и тут как раз опять позвонили из травмы и снова, как оказалось, по его душу: он в ту ночь подрядился дежурить за трупачей.

ДОЛЖНИК

Чертыхнувшись, снова взял каталку и поехал.

— Забирай, — сказала хмурая дежурная медсестра.

И кивнула туда, где лежало тело.

Господи Иисусе, спаси и помилуй!..

Это была она, Нина! — та самая молодая женщина, которую он привез часа два назад.

— Это что ж это?

Но сестра уже смылась, Нина молчала, и ответить было совершенно некому.

Он стоял, тупо глядя в знакомое лицо. Оно не переменялось: даже румянец на щеках остался, и легкая улыбка на губах. А то, что глаза закрыты, так и живые люди не всегда таращатся.

Два часа назад он вез ее сюда, и она была разговорчивой и веселой.

А теперь не могла ни шутить, ни смеяться, ни любить, ни ласкать сына.

То есть теперь ее не было на этом свете.

Но ведь только что!.. Совсем недавно!.. Ведь она думала! Могла охватить мыслью весь мир! Всю вселенную!

А сейчас нет вовсе!..

Почему? И зачем? И как это понять?

И может ли вообще такое быть?

И вот тут-то, в ту самую секунду, и случилось.

Понял вдруг — ясно понял, до содрогания, до холода, окатившего грудь, — что все это совершенно неправильно, все это нужно немедленно исправить — пока не поздно!

И что он может это сделать! — сейчас осенит ее крестом и скажет:

— Встань и иди!

И она вздрогнет, шевельнется, заморгает недоуменно... спустит ноги с каталки... встанет — и пойдет. Пойдет не-

Андрей ВОЛОС

уверенно, еще не веря своему воскрешению... недоверчиво улыбаясь и трогая себя за плечи... снова живая!

Секунда! Нет, меньше секунды!..

Потряс головой, трезвея.

Перевел дух.

И повез в четырнадцатый корпус — как, собственно, и положено...

С тех пор время от времени ему снился сон, повторявший тот случай: он стоит над покойницей, и рука уже воздымается, уже тянется, чтобы осенить ее жестом неослушной воли.

Просыпался с колотящимся сердцем, с холодком в груди.

Призывник

Будильник затрещал — как с цепи сорвался.

Артем дернулся, рывком протянул руку, ударил наотмашь — и с третьего раза попал наконец по кнопке.

Несколько секунд лежал, переводя дух. Потянулся, скуля, сел на постели, с тоскливой бессмысленностью глядя в белесое от фонарного света окно и безнадежно почесываясь.

Лизка сопела, ткнувшись лицом в подушку.

Некоторое время он прислушивался к собственным ощущениям. Так и не придя к какому-нибудь более или менее определенному заключению, вздохнул и неслышно пробормотал:

— *Господи Иисусе, спаси и помилуй.*

Почесал затылок, поскреб щетину, зевнул, нашарил босыми ступнями тапочки, прошлепал к стене и щелкнул выключателем.

Курево всегда лежало на полу у постели, а теперь пропало. И на замусоренном подоконнике тоже не нашлось. Равно как и на столе — в беспорядке тюбиков, засохших кистей, шпателей, лоскутов линолеума и прочего инвентаря и материала.

Негромко матюкаясь, ощупал все карманы в груди разнокалиберных шмоток, заваливавших два венских стула-ветерана, в силу непоправимой калечности способных стоять только рука об руку.

Снова раздраженно перекидал пустые пачки на подоконнике.

— Лизка! Папиросы где?

Лизка едва слышно вздохнула, поворачиваясь к стене.

Обследование пепельницы тоже не принесло ничего хорошего: все окурки либо страчены в ноль, либо напоследок раздавлены, была у него такая дурацкая привычка.

— Твою же мать! — тихо сказал Артем.

Вышел на кухню, аккуратно громыхнул чайником, чиркнул спичкой и зажег газ.

Шумно умылся, слегка намочил и причесал короткие волосы. Посмотревшись в зеркало, нахмурился.

Выбрал из грязной посуды, громоздившейся на их столе, граненый стакан, ополоснул. Даже потер пальцами, но чайные кольца все равно остались. Кинул щепотку заварки из рваной пачки, с бряканьем бросил алюминиевую ложку, чтоб не лопнул, и дополнил налил кипятком. Сыпанул сахар из бумажного пакета, отломил кусок зачерствелого батона.

Придвинул табуретку, сел. Жевал молча, бездумно глядя на свое отражение в окне.

Одевшись по-уличному, с шапкой в руке, заглянул в комнату.

— Лизка! Слышь? Ты встанешь, убери тут! Вообще уже как в слоновнике!

Лизка тонко всхлипнула и шевельнулась, глубже зарываясь в одеяло.

Артем перевел взгляд на подрамник, секунду помедлил, успев повторить про себя все, что повторялось им по

ДОЛЖНИК

несколько раз на дно: не в больницу бы сейчас тащиться, а за работу встать; и не санитаром бы подвизаться, а сделаться наконец профессионалом (в том смысле, чтобы деньги своими художествами зарабатывать); и не в комнатульке этой ютиться (да еще и не своей), а занять бы мастерскую...

И со вздохом погасил свет.

* * *

Перейдя вымершее Садовое, потоптался на остановке. Но график движения не сбился: минуты через три показалась празднично украшенная гирляндами поверх лобового стекла «бэшка», со скрипом и судорожными подергиваниями распахнула двери.

Безлюдная улица сверкала. Окруженные морозными ореолами фонари сеяли сиреневое сияние на заснеженные обочины и тротуары. В домах кое-где оранжево и желто горели окна — должно быть, там еще допивали, доедали, договаривали. Попадались и елки; одна мерцала гирляндой в окне темной комнаты, другая — в освещенной, и Артем, нахохлившись у заиндевелого окна, обе их проводил взглядом.

А вот интересно... Юрец вчера толковал, что Новый год только в тридцать седьмом разрешили... а Гера — что в тридцать пятом. Вообще-то сама эта фраза шла по закоулкам мозга со скрипом, будто не желая осознаваться. Возникни в том нужда, она и с языка свалилась бы не вдруг, а с запинкой, с приметной полусекундой, затраченной на последнюю проверку: что это значит вообще: «Новый год разрешили»?

То есть, конечно, смена года и до того происходила. Как явление чисто календарное: перелом времени, пере-

вал. Календари свежие заводили. Так же долго, наверное, сживались с новой цифрой... Вот и теперь: начнешь дату ставить, а перышко по старой привычке заносит в прошлое.

Но торжество, праздник, радость, веселье, подарки, хороводы, свечи, орехи в фольге, елки — да! *все елки на свете...* Это ведь не к свершению законов небесной механики относилось. И не к перелистыванию календаря. А к рождению ребенка, вообще к новой жизни, знамением которой стал появившийся на свет мальчик, — вот к чему.

Но когда в разрезе борьбы с религией отменили Рождество, в головах осталась прореха. И чтобы ту прореху залатать, елку разрешили — но в Новый год. Ну а что? Зима? — зима. Снег? — снег. Мишура? — мишура. Выпивка-закуска. Очень похоже. Как там? — *«Все елки на свете... все елки и все золотые шары...»* Нет, еще что-то про яблоки... Веселитесь. Только без глупостей: младенцы там всякие и прочий опиум. Ни к чему.

Он зевнул, потянулся, сцепив ладони в замок.

Мгла, тишина... Несколько раз попадались рафики «Скорой помощи» — в начавшем голубеть сумраке раннего утра они, присматривая подходящую добычу, будто большие безмолвные рыбы, неспешно скользили у самого дна опустелой Атлантиды... Вот уж радость — первого-то января спозаранку на работу тащиться... Но зато как хорошо вчера посидели!.. Двигатель гудел, гнал по салону тепло. Глаза слипались, мысли путались... вот и задремал, поймав клоч мимолетного радужного видения; встрепенулся, посмотрел в окно — далеко еще?

Поднялся с нагретого сиденья. Пассажиров, кроме него, было только два. Оба спали, завалившись в углы, и на одного Артем походя нахлобучил готовую свалиться шапку.

ДОЛЖНИК

— Станция метро «Октябрьская»! — прохрипел динамик.

Артем пробежался по обеим сторонам площади, инспектируя табачные ларьки; убедившись, что все, как один, закрыты, а чувство утреннего раздражения стало обретать формы смиренной безысходности, поспешил в обратную сторону, к больнице.

Опаздывать не хотелось. Он сам не любил. Если все к восьми, то какого ляда один в пять минут девятого?.. Из-за этого однажды сцепился с одним, уж теперь не вспомнить, как звали. Артем сказал по-хорошему, а тот не понял. Ну и схлопотал по роже пару раз... в запале ничего, а теперь как-то совестно.

Миновал ограду Бакулевского института и еще метров семьдесят больничного забора, достиг ворот Главного корпуса, свернул — и вскинул взгляд.

Монументальный, мощный, серьезный, строгий, значительный — а вместе с тем и легкий, воздушный, зримо плывущий в морозном воздухе восьмиколонный белокаменный портик. И круглый купол церкви Марии Магдалины, венчающий здание.

Он машинально перекрестился. Машинально — и больше мысленно, чем на самом деле. Как будто была у него вторая правая рука — призрачная, никому не видная, и вот она поднялась и осенила крестным знаменем... В действительности только пальцы дрогнули, вот и все. Никто бы даже и не подумал. Ему плевать, конечно... но как-то не принято. Со стороны глянуть, так и впрямь было бы смешно. Здоровый мужик, рослый, костистый, сутулый, чернявый, жилистый, челюсть маленько лошадиная. Такому хоть лопатой орудовать, хоть зубилом, хоть с кистенем на большую дорогу — а он крестится.